

ИННА
Бронская

ПОСЛЕ
Развода
ПЕПЕЛ МОЕЙ ЛЮБВИ

Инна Вронская

После Развода.

Пепел моей любви

<https://litres.ru/74199278>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Я изменил тебе пятнадцать лет назад, — говорит мой муж ровно, без эмоций. — Когда Олег погиб, Нине нужна была помощь. Я помог, принял в свои объятия. Девочка — моя дочь. Все эти годы я живу на две семьи

Пятнадцать лет обмана. Пятнадцать лет лжи.

- То есть все так просто? – шепчу я. – Не верю

Мой муж, генерал в отставке молчит, его лицо пронизано ядовитой усмешкой.

Любовница тоже улыбается. Ее улыбка просчитывающая. Победная.

— Жизнь вообще проста до безобразия, Лиля. Особенно когда она уже вся в прошлом. Да, Виктор, мучился с вами всю жизнь, — говорит она, и ее голос становится сладко-медовым, ядовитым. — Долг. Офицерский долг. Сына вырастил, дайте теперь Виктору возможность быть счастливым. Со мной! Теперь я ЕГО КОРОЛЕВА!

В сорок пять лет я узнала, что муж-генерал давно жил на две семьи.

Там девочка, десяти лет.

И любовница, снова беременная, вторым.

Говорит, прими это как новый порядок вещей!

Но я не согласна быть всего лишь пешкой на шахматной доске,
я буду бороться!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Инна Вронская После Развода. Пепел моей любви

Глава 1

Я стою перед зеркалом и проверяю каждую деталь своего образа. Черное платье сидит безупречно, волосы уложены в строгую элегантную прическу, макияж подчеркивает черты лица, но не кричит о себе. Сегодня вечер приема по случаю подписания нового государственного контракта моего мужа. Я должна выглядеть как дорогое украшение — заметное, но не отвлекающее от главного.

— Лилия, ты готова? — его голос раздается из гардеробной, и сердце по привычке замирает.

Виктор выходит ко мне, застегивая манжеты. Он в своем фирменном темно-синем костюме, который идеально сидит на его спортивной фигуре. В пятьдесят пять он выглядит лучше, чем большинство тридцатилетних мужчин. Благородная седина у висков только добавляет ему шарма, а прямые плечи и военная выправка заставляют обращать на него внимание в любой комнате.

— Ты выглядишь достойно, — оценивающим взглядом

окидывает он меня. — Хотя изумрудные серьги подошли бы лучше.

— Но ты сам выбрал эти бриллианты, — мягко напоминаю я.

— Именно поэтому они не подходят для официального мероприятия, — его пальцы касаются моей мочки уха, и по телу пробегает знакомый холодок. — Ты должна излучать статус, а не личные привязанности.

Он поправляет галстук, и я замечаю его руки — сильные, с тонкими шрамами на костяшках. Эти руки когда-то держали меня так нежно, что я плакала от счастья. Теперь они касаются меня лишь в редкие моменты, и каждый раз я ловлю себя на мысли, что жажду этих прикосновений как наркоман.

— Сегодня вечером потребуется твое особое внимание, — говорит он, глядя на меня в зеркало. — Будет Захар Огнев со своей новой помощницей. Ходят слухи, что он настоящий гений в области госзакупок.

— Я всегда внимательна к твоим деловым партнерам, — отвечаю я.

Он смотрит на меня задумчиво, в его глазах мелькает что-то неуловимое. Что-то, чего я не видела раньше.

— Я знаю, — говорит он тихо. — Ты всегда была идеальной.

Мы едем на прием в полной тишине. Он просматривает документы на планшете, я смотрю в окно на мелькающие ог-

ни Москвы. В последние месяцы что-то изменилось в нем. Он стал более отстраненным, чаще задерживается на работе, его телефон всегда на беззвучном режиме. Но я отгоняю эти мысли. Мой Виктор — человек чести. Бывший генерал, а теперь успешный бизнесмен. Он не способен на подлость.

На приеме все как всегда. Он — блестящий хозяин, я — его элегантная спутница. Улыбки, рукопожатия, светские беседы. Но сегодня я чувствую в нем особенное напряжение. Его взгляд постоянно блуждает по залу, как будто он кого-то ищет.

И вот я вижу их.

Захар Огнев, его давний друг и партнер, подходит к нам в сопровождении элегантной брюнетки в темно-бордовом платье. Она не ослепляет красотой, но в ней есть какая-то магнетическая притягательность. И что-то до боли знакомое в ее чертах...

— Виктор! Лилия! — Захар обнимает нас. — Позвольте представить мою новую помощницу, Нину. Настоящий профессионал в области госзакупок.

Она протягивает руку, и мир вокруг меня замирает. Теперь я понимаю, почему она кажется знакомой. Это Нина, жена его погибшего сослуживца. Та самая женщина, которую мы все эти годы опекали после трагической гибели ее мужа. Но теперь она выглядит совершенно иначе — уверенная в себе, ухоженная, с холодным блеском в глазах.

— Очень приятно, — слышу я свой голос, будто издалека.

Я смотрю на Виктора. Он улыбается, но его улыбка кажется натянутой, искусственной.

— Рад знакомству, — говорит он, целуя ей руку.

Я замечаю, как его пальцы задерживаются на ее руке чуть дольше, чем нужно. Как его взгляд становится пристальным, каким он смотрел на меня в первые годы нашего брака.

— Виктор Александрович, — говорит она, и в ее голосе звучат странные, интимные нотки. — Я слышала о вас так много.

— Надеюсь, только хорошее, — шутит он, но в его глазах нет смеха.

Их взгляды встречаются, и в этот момент я понимаю. Понимаю все. Но мое сердце отказывается верить. Нет, не может быть. Это Нина — вдова его боевого товарища. Человек, которому он помогал все эти годы из чувства долга. Не больше.

— Лилия, ты в порядке? — Захар смотрит на меня с беспокойством.

— Да, конечно, — заставляю себя улыбнуться. — Просто немного устала.

Я отхожу к столу с напитками. Руки дрожат. Это просто совпадение. Просто деловая встреча. Виктор честен со мной. Он всегда был честен.

Но когда я оборачиваюсь, я вижу их снова. Они стоят у окна, говорят о чем-то, и я вижу, как ее рука на секунду ка-

сается его руки. Легко, нежно, слишком интимно для деловых партнеров.

Виктор отстраняется быстро, резко, как пойманный на чем-то.

Я закрываю глаза, пытаюсь унять нарастающую панику. Нет, это невозможно. Он любит меня. Он всегда говорил, что я единственная. Что генералы не изменяют. Что честь — это все.

Подхожу к ним, заставляя себя улыбаться.

— О чем беседа? — спрашиваю я светло.

Нина смотрит на меня, и в ее глазах я вижу нечто странное — не триумф, не злорадство, а... жалость.

— Обсуждали новые тендеры, — говорит Виктор. Его голос ровный, слишком ровный.

— Как интересно, — говорю я. — Нина, вы, наверное, прекрасно разбираетесь в этом?

— Да, — улыбается она. — Ваш муж очень помог мне освоиться в Москве. Я всем сердцем и душой благодарна ему.

И в этот момент я вижу его взгляд — быстрый, предостерегающий, направленный на нее.

Что-то замирает во мне. Какая-то последняя надежда умирает.

— Мне нужно позвонить, — говорю я и ухожу в дамскую комнату.

За зеркалом мое лицо бледно, глаза полны ужаса. Я вижу женщину, которая двадцать лет слепо верила в честность своего мужа. И теперь эта вера рушится, оставляя после себя ледяную пустоту.

Возвращаюсь в зал. Они снова вместе. Стоят близко, говорят тихо. И на его лице я вижу выражение, которого не видела годами — ту самую нежность, что когда-то была адресована мне.

Подхожу к ним, кладу руку на его руку.

— Дорогой, нам пора, — говорю я мягко. — Ты же помнишь, у нас завтра ранняя встреча.

Он смотрит на меня, и в его глазах — удивление, раздражение, и что-то еще... вина?

— Да, конечно, — говорит он после паузы.

Нина смотрит на нас. Улыбается. Но в ее глазах — лед.

— Было приятно познакомиться, — говорит она мне.

— Взаимно, — отвечаю я.

Мы уезжаем. В машине — густое, давящее молчание. Я смотрю на его профиль, освещенный уличными фонарями, и понимаю, что мой мир никогда уже не будет прежним. И когда он наконец поворачивается ко мне, я вижу в его глазах правду, которую так боялась увидеть.

— Лилия, — говорит он тихо, и в его голосе впервые за много лет звучит неуверенность. — Нам нужно поговорить. Это касается нашей с тобой семейной жизни.

Глава 2

Машина мчится по темной заснеженной дороге, увозя нас все дальше от сияющего центра Москвы. Я сижу рядом с Виктором, сжимая в руках сумочку так, что костяшки пальцев белеют. Мы едем уже сорок минут, и он не произнес ни слова с тех пор, как сказал «нам нужно поговорить».

— Куда мы едем? — наконец спрашиваю я, и мой голос звучит чужим даже для меня.

— Скоро увидишь, — его ответ лаконичен, как военный рапорт.

— Но мы же должны встретиться с Ильей и его девушкой, — напоминаю я о нашем сыне, который ждет нас на семейный ужин. — Они уже, наверное...

— Я отменил встречу, — перебивает он, не отрывая взгляда от дороги.

Отменил. Без обсуждения. Без моего согласия. Как всегда.

Я смотрю на его профиль, освещенный тусклым светом приборной панели. Его сильная челюсть сжата, благородная седина у висков кажется в этом свете серебряной. Даже сейчас, когда внутри меня все кричит от боли и предчувствия, я не могу не восхищаться его мужской красотой. И ненавидеть себя за эту слабость.

Мы сворачиваем на узкую дорогу, ведущую к кованым во-

ротам. Они бесшумно открываются, и перед нами возникает старинный особняк в стиле модерн, утопающий в снегу. Окна светятся теплым желтым светом, на крыше мигают гирлянды. Это выглядит как открытка из другой жизни — уютной, семейной, новогодней.

— Выходи, — командует Виктор, уже открывая свою дверь.

Я выхожу на холодный воздух, и снег скрипит под каблуками. Мы подходим к парадной двери, и он вставляет ключ, не звоня. Мое сердце колотится где-то в горле.

Внутри пахнет хвоей, корицей и чем-то еще — детством, домашним уютом, которого не было в нашем стерильном пентхаусе. В огромной гостиной стоит высокая елка, увешанная старинными игрушками. И под ней...

Девочка.

Лет десяти, с золотистыми волосами, заплетенными в две аккуратные косы. Она кружится вокруг елки в пушистом розовом халатике, напевая себе под нос. И у нее... у нее его глаза. Те самые, ледяные голубые глаза Виктора.

Я замираю на пороге, не в силах пошевелиться.

— Кто это? — шепчу я, хотя уже знаю ответ. Знаю его всем своим существом.

— Заходи, не стой в дверях, — его голос звучит грубо, по-солдатски.

Я делаю шаг вперед, потом еще один. Девочка замечает нас и останавливается. Она смотрит на Виктора, и ее лицо

озаряется такой яркой, искренней радостью, что мне становится физически больно.

— Папа! — она бросается к нему, и он ловит ее на лету, поднимая в воздух.

Папа.

Мир сужается до размеров этой комнаты, до этого слова, которое разрывает меня на части.

— Анечка, — говорит он, и в его голосе звучит нежность, которую я не слышала годами. — Иди, закончи уроки, ладно? У нас взрослый разговор.

— Но ты же обещал прочитать мне сказку! — надувает она губки.

— Обещал — значит, выполняю. Позже. — Слово Генерала.

Она нехотя кивает и, бросив на меня любопытный взгляд, убегает наверх.

Я стою посреди гостиной и чувствую, как пол уходит из-под ног.

— Кто это? — повторяю я, и мой голос теперь звучит громко, резко. — Зачем ты привез меня сюда, Виктор?

Он поворачивается ко мне. Его лицо — маска из камня и льда. Тот самый генерал, который отдает приказы, не ожидая вопросов.

— Я изменил тебе пятнадцать лет назад, — говорит он ровно, без эмоций. — Когда Олег погиб, Нине нужна была помощь. Я помог, приняв в свои объятия. Девочка — моя дочь. Все эти годы я живу на две семьи.

Пятнадцать лет.

Это слово повисает в воздухе между нами, тяжелое, ядовитое. Пятнадцать лет обмана. Пятнадцать лет лжи. Пятнадцать лет, пока я верила, что у нас идеальный брак.

— Какие пятнадцать лет? — мой голос срывается на хрип. — У нас семья, сын, домашний очаг... Илья...

— Илья уже взрослый мужчина, у него своя жизнь, — перебивает он. — А Нина с Анечкой требуют моего участия. Я устал разрываться между двумя домами.

Он подходит к камину, зажигает сигару — привычный жест, который всегда означал, что разговор окончен. Но сейчас он продолжает.

— Я так сказал, Лилия. Ты примешь все как есть. У меня с Ниной — любовь. С тобой — только общая, давно остывшая постель и привычка.

Каждое слово — как удар ножом. Точный, выверенный, безжалостный.

— Но... но наш брак... наши годы вместе... — я пытаюсь найти аргументы, но мой разум отказывается работать.

— Наш брак был договором, — холодно констатирует он. — Ты — образцовая жена генерала. Безупречная хозяйка, идеальная мать. Но между нами уже давно ничего нет.

Он делает паузу.

— Нина все эти годы училась, работала на наше подразделение удаленно. Она — блестящий специалист. Ее потен-

циал теперь раскроется здесь, в Москве. А ты... — его взгляд скользит по мне с легким презрением, — ты все эти пятнадцать лет так и сидишь дома, готовишь борщи и ждешь моего возвращения с работы.

Я чувствую, как кровь приливает к лицу от стыда и унижения. Да, я не сделала карьеру. Я посвятила жизнь ему, нашему сыну, нашему дому. И теперь это превращается в обвинение.

— Так что вот как будет, — продолжает он, как будто обсуждает деловой контракт. — Я перевез их в Москву, в этот дом. Он куплен на мои деньги. Анечка будет ходить в лучшую школу. Нина будет работать в моей компании. А ты... — он смотрит на меня, и в его глазах нет ни капли тепла, — ты останешься в нашей квартире. Будешь вести себя достойно. Никаких сцен, никаких публичных разборок. Для общества мы — идеальная пара. Все остальное — не твое дело.

Я молчу. Не могу вымолвить ни слова. Смотрю на этого красивого, статного мужчину, которого любила всю свою взрослую жизнь. И вижу незнакомца. Холодного, расчетливого, безжалостного.

— И если ты подумаешь о разводе... — его голос становится тише, но от этого только страшнее, — помни, что у меня достаточно связей, чтобы оставить тебя без гроша. Илья уже взрослый, ему не нужна твоя опека. Так что выбирай — тихая, обеспеченная жизнь в статусе моей жены или нищета и одиночество.

Он подходит ко мне вплотную. Его рука поднимается, и я замираю, думая, что он ударит меня. Но он лишь поправляет прядь моих волос.

— Ты красивая женщина, Лилия. Умная. Ты справишься. Прими это как новый порядок вещей.

И в этот момент слышится щелчок открывающейся двери. Шаги на мраморном полу. Я оборачиваюсь.

В дверном проеме стоит Нина. В элегантном пальто, с легким румянцем на щеках от мороза. Она только что вернулась — с ужина, с встречи, с той самой жизни, которую вела все эти годы пока я наивно верила в наш брак.

Наше взгляды встречаются. И она улыбается. Спокойно, уверенно, почти милостиво.

— Здравствуйте, Лилия, — говорит она, и ее голос звучит мягко, но в каждом слове — победа. — Я так долго ждала этого момента встречи с вами. Все эти долгие пятнадцать лет.

Глава 3

Я стою посреди гостиной их особняка и чувствую, как пол уходит из-под ног. Но я не падаю. Я замираю. Замираю так, как замирают на поле боя, когда понимают, что попали в засаду. Воздух густой от запаха свежей хвои и сладкого печенья. Где-то наверху смеется ребенок. Его ребенок.

Мой взгляд скользит по Виктору. Он оперся о каминную полку, одна рука в кармане брюк. Элегантный, уверенный, не тронутый ни каплей угрызений совести. Его седина у висков в свете огня кажется серебряной нитью, вплетенной в темные волосы. Высокий лоб, прямой нос, твердый подбородок. Он прекрасен. Боже, как он прекрасен. И как я ненавижу его в эту секунду.

— Виктор, — говорю я, и мой голос звучит хрипло, чужим. — Убирайся из моей жизни. Навсегда. Я никогда не прощу тебе это.

Нина делает шаг вперед. Она стоит между нами, словно защищая его от меня. Ее тонкие брови приподняты с легким снисхождением.

— Лиля, вы еще не поняли? — она произносит мое имя с мягкой укоризной, будто объясняет что-то неразумному ребенку. — Мы вас жалели все эти годы. Скрывались только из уважения к вашему... терпению.

Говорит так уважительно, образованно, но яд так и сочит-

ся из ее узких губ.

Она делает паузу, давая словам проникнуть в самое сердце.

— У нас с Виктором все серьезно, — повторяет она, четко выговаривая каждое слово. — Поэтому лишняя теперь — вы.

Я смотрю на Виктора, жду, что он остановит ее. Скажет, что это слишком. Что нельзя так говорить с женщиной, которая пятнадцать лет была его женой. Но он молчит. Он смотрит на нее, и в его глазах — не одобрение, но и не запрет. Терпение. Как будто он наблюдает за действиями своего подчиненного, который, возможно, перегибает палку, но в целом движется в правильном направлении.

— То есть так все просто? — вырывается у меня. Голос дрожит. — Пятнадцать лет лжи. Пятнадцать лет двойной жизни. И все сводится к трем словам — «лишняя теперь вы»?

Нина улыбается. Ее улыбка не добрая. Она просчитывающая. Победная.

— Жизнь вообще проста до безобразия, Лиля. Особенно когда она уже вся — в прошлом.

Ее спокойствие, ее уверенность в своей полной и безоговорочной победе разжигают во мне что-то первобытное, темное.

— Ну ты и хамка, — выдыхаю я. Слова грубые, неотшли-

фованные, вырвавшиеся из самой глубины унижения.

Виктор наконец шевелится. Легкое движение головой, едва заметное напряжение в плечах.

— Лилия, — его голос звучит как предупреждение. Низкий, властный баритон, который раньше заставлял меня трепетать от желания. Теперь он режет слух.

Но Нина не смущается. Она только что получила подтверждение своей власти — он вступился, но не за меня.

— Да он мучился с вами всю жизнь, — говорит она, и ее голос становится сладко-медовым, ядовитым. — Долг. Офицерский долг. Сына вырастил, дайте теперь Виктору возможность быть счастливым. Со мной.

Она поворачивается к нему, и ее взгляд смягчается, наполняется той самой нежностью, которой мне так не хватало все эти годы.

Виктор слегка хмурится. Он отводит взгляд, смотрит на огонь в камине. Ему не нравится такая откровенность. Ему не нравится, когда вещи называют своими именами. Он предпочитает красивые обертки, благородные формулировки. «Долг выполнен». «Новые обстоятельства». Но суть от этого не меняется.

Я отрываю взгляд от Нины и впиваюсь в него. Смотрю прямо в эти ледяные, прекрасные глаза.

— Как ты мог? — шепчу я. Шепот полон такой боли, что она, кажется, материализуется в воздухе между нами. — Как ты мог, Виктор? Предатель.

Он медленно поворачивает голову. Его лицо совершенно спокойно. Ни морщинки, ни искры эмоции.

— Я выполнил свой долг, Лилия, — говорит он ровно, как докладывает о выполненном задании. — Перед тобой. Перед Ильей. Я дал вам дом, статус, обеспеченную жизнь. Я вырастил сына, дал ему образование и будущее. Большого от меня требовать не смей!

Я слышу в его голосе не злость, а... раздражение. Раздражение от того, что я не понимаю простых правил игры, в которую мы, оказывается, играли все это время.

— Большого? — мой голос срывается, превращаясь в визгливый, незнакомый мне самой крик. — Я ради тебя крылья свои обрезала! Всю себя отдала! Я бросила работу, ради тебя забыла, кто я такая! Я стала твоей тенью, твоим красивым аксессуаром! А ты... ты все это время жил здесь! Любил ее! Растил ее дочь!

— Нашу дочь, — поправляет он с ледяной точностью. — И не повышай на меня голос. Это недостойно.

Нашу. Значит, то, что у нас с Илей — уже не «наше». Это прошлое. Это выполненный долг. А настоящее и будущее — здесь, в этом уютном особняке, с этой женщиной и их детьми.

Дикое, слепое бешенство поднимается во мне, смывая боль, страх, отчаяние.

— Я сама подам на развод! — кричу я, и слезы, наконец, прорываются наружу, горячие и горькие. — Сегодня же! И

я опозорю тебя, Виктор! Я всем расскажу! Всем твоим старым товарищам, всему твоему генеральскому кругу! Пусть все знают, какой ты подлец! Какой ты предатель! Твоя безупречная репутация? Я разнесу ее в клочья!

Я жду, что он побледнеет. Задохнется. В его мире честь и репутация — всё. Но Виктор лишь усмехается. Тихо, презрительно. И эта усмешка страшнее любой ярости.

— Ты думаешь, мне есть чего бояться? — его голос становится тихим, почти ласковым, и от этого по спине бегут мурашки. — Милая Лилия, ты по-прежнему наивна. Как ребенок.

Он делает шаг ко мне, и его высокая, мощная фигура заслоняет свет. Я чувствую исходящее от него тепло, запах его кожи и одеколона — знакомый, родной и теперь отвратительный.

— Кто поверит жене, которая внезапно сошла с ума от ревности? — он говорит медленно, растягивая слова, наслаждаясь моментом.

Ледяная волна окатывает меня с головы до ног. Он... он собирал на меня досье. Все эти годы, пока я безоговорочно ему верила, он потихоньку собирал пазл, из которого можно сложить портрет сумасшедшей.

— А мои товарищи... — он усмехается снова, и в его глазах мелькает презрение. — Они знают меня. Генерала Крутова. Человека слова. А тебя знают как мою милую, несколь-

ко эксцентричную супругу, которая плохо переносит одиночество. Кто ты без меня, Лилия? Никто. Просто несчастная женщина, которую пожалеют на пару дней и забудут.

Он выпрямляется, отходит на шаг, снова становясь монументальным, недостижимым судьей.

— Вот мои условия. Ты остаешься в нашей квартире. Исполняешь обязанности моей жены на всех необходимых мероприятиях. Ты молчишь. Ты улыбаешься. Ты принимаешь Нину как моего ценного делового партнера и старого друга семьи. Взамен — ты сохраняешь свой образ жизни, доступ к средствам и... видишься с Ильей, когда он этого захочет.

Я открываю рот, чтобы выкрикнуть отказ, чтобы сказать, что никогда не соглашусь на это рабство. Но он поднимает руку, и жест этот не терпит возражений.

— Если ты откажешься... — он делает театральную паузу, и в его красивых глазах вспыхивает что-то темное, жестокое, настоящие осколки льда, — то я сделаю так, что ты больше никогда не увидишь своего сына. Он взрослый. У него есть выбор. Между отцом, который обеспечивает его будущее, открывает двери, и матерью с пошатнувшейся психикой, одержимой клеветой. И мы оба прекрасно знаем, какой выбор сделает Илья.

Он подходит вплотную. Его дыхание касается моего лица. Он наклоняется, и его губы почти касаются моего уха. Шепот ползет по коже, как холодная, скользкая гадюка.

— А если и этого будет мало... вспомни, я знаю все твои

страхи. Все твои слабости. Я знаю, чего ты боишься больше всего. И я не пощажу тебя. Я сломаю тебя так, что ты сама будешь ползать на коленях и умолять меня вернуть тебя обратно в эту золотую клетку. Поняла?

Я не могу дышать. Я не могу пошевелиться. Я стою и смотрю в эти бездонные голубые глаза, которые когда-то были для меня целым миром, и вижу в них только пустоту. И совершенную, бесчеловечную уверенность в своей власти.

Я проиграла. Даже не успев начать бороться.

И тогда, словно ставя жирную, окончательную точку, Нина кладет руку на еще плоский живот. Ее движение неспешное, полное торжествующего сознания своей силы.

— И чтобы не оставалось сомнений в серьезности наших намерений», — говорит она тихо, но так, чтобы каждое слово прозвучало как приговор. — Я жду ребенка. Нашего с Виктором второго ребенка. Вы были всего лишь пешкой на его шахматной доске. Обязанностью. А я — она снова смотрит на меня, и в ее глазах вспыхивает холодный огонь, — я теперь королева, достойная своего КОРОЛЯ.

Глава 4

Я разворачиваюсь на каблуках и иду к выходу. Каждый шаг отдается в висках глухим ударом. Я не бегу. Я отступаю с полным сознанием своей правоты, но и с пониманием поражения на этом поле боя. Мое лицо — ледяная маска. Внутри — метель из осколков, которые больно впиваются в душу при каждом движении.

Нина стоит в дверях гостиной, прислонившись к косяку. На ее губах играет та же сладкая, ядовитая улыбка победительницы. Она уверена, что видит мое позорное бегство, финальный аккорд двадцатилетней пьесы, в которой она теперь главная героиня.

Рука уже лежит на холодной латунной ручке, когда я оста-навливаюсь. Поворачиваюсь не к нему. К ней.

— Знаешь, Нина, главная разница между нами в том, — мой голос звучит тихо, но каждое слово падает в тишину, как отточенный клинок, — что я строила дом, а ты всю жизнь ищешь, в чужой какой влезть. Ты не любовница. Ты — квартирантка. И помни, ни одних квартирантов не держат вечно. Их выселяют. Всегда. Так что желаю тебе удачи греться у чужого очага. Думаю, ее тебе как раз не хватит.

Ее улыбка гаснет, будто кто-то щелкнул выключателем. В глазах вспыхивает чистая, неразбавленная злоба. Но я уже не смотрю на нее. Мой взгляд находит Виктора. Он стоит у

подножия лестницы, его высокая, статная фигура неподвижна, как монумент. Его лицо — безупречная маска из гранита и льда. Он слышал. И не сказал ни слова в ее защиту. Не сделал ни шага. Он просто медленно, с невозмутимым видом повернулся и пошел наверх. В спальню. В их постель. Звук его удаляющихся шагов по деревянным ступеням стал той самой точкой. Финальной. Концом двадцати лет веры, любви и глупой надежды на честность.

Машина везет меня сквозь спящий город. Я не плачу. Слезы замерзли где-то глубоко внутри, превратившись в колючую изморозь на сердце. Там, где раньше теплилась любовь, теперь зияет черная, холодная пустота, а вокруг нее — стена. Стена из холодной, расчетливой ярости. Она — мой единственный щит и мое единственное оружие.

В прихожей нашей — его — квартиры горит свет. Я замираю, сердце на секунду заходится в груди. Он не мог вернуться. Не смел. Илья.

Мой сын выходит из гостиной, щурясь от яркого света. На нем мятые домашние треники, в руке — светящийся экран смартфона. Он выглядит уставшим, но возбужденным.

— Мам, это ты? А где папа? — его голос сонный, но в нем отчетливо слышна тревога. — Вы что, разругались? Он сегодня утром какой-то взвинченный был, чуть что — огрызался.

«Сегодня утром». Значит, он был здесь. Готовился к своему грязному спектаклю. Продумывал каждую фразу, каж-

дый жест, пока я наивно выбирала платье для вечера, на котором он представит миру свою вторую жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.